

Д. С. РЫЖКОВА (аспірант кафедри теоретической и практической философии)

Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина,
Харьков, Украина
carerucita-roja@mail.ru

ВРАЖДЕБНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

У статті аналізується феномен ворожості як у історичних формах суспільства, так і на прикладі сучасності, в першу чергу, сучасного міста. Виявляються критерії ворожості у різних умовах. В особливості, проводиться порівняння між етнічними та становими ворожнечами. Зроблено висновок про специфіку взаємодії людей на рівні Я-Ти, міжгрупових відносин, ставлення групи до атомізованого індивіда. Здійснено спробу дослідження певної ролі ворожості у формуванні людської ідентичності.

Ключові слова: ворожість, ідентичність, інший, чужинець, громадянин, підданий.

Говоря о формировании идентичности, стоит учитывать не только стандартные схемы и принципы социализации индивида в обществе. Немалую роль играет формирование идентичности собственными силами, осуществляемое через различные формы соотнесения и противопоставления себя с Другими. Важнейшим компонентом личностной идентификации является именно эта нарративная идентичность, предполагающая соблюдение баланса между тождественностью и самостью.

В настоящее время *разработана часть проблематики*. Если вариант, где в Другом можно увидеть отражения или преломления «Я» максимально полно рассмотрен П. Рикёром, Э. Левинасом, М. Бубером, то момент восприятия Другого как изначально враждебного на данном этапе рассмотрен по большей части только Б. Вальденфельсом и рядом теоретиков (А. В. Шипилов, Е. В. Рягузова, В. Хёсле) смежных с философией дисциплин.

Актуальность данной работы состоит в акцентуации на феномене вражды как типе взаимоотношений различных групп и индивидов в условиях современного развитого общества и его влиянии на формирование идентичности. Для замкнутых сообществ существует множество факторов и критериев, так или иначе способствующих формированию идентичности у их представителей. В городском пространстве, разбитом на множество локальных групп, неизменным фактором для формирования индивидуальной идентичности является не только внутригрупповая солидарность, но и межгрупповая конфронтация или враждебность. Цивилизация – конфликтогенна, так как часто личность осознаёт себя тем, кто она есть лишь в противопоставлении себя другим. «Дисгармония между «я» и «социальным Я» является одной из самых распространенных причин кризиса идентичности. Немногие люди могут сохранить свою идентичность

в неприкосновенности, если сталкиваются с беспричинным презрением со стороны своего окружения, особенно же тех людей, которых они уважают» [7, с. 116]. Однако в современном обществе постепенно сходит на нет ксенофобия, исчезает отношение как к «чужим» к женщинам, детям, иноплеменникам, национальным и сексуальным меньшинствам. Для того чтобы понять, в чем основа вражды и конфликта идентичностей в современном городе, необходимо обратиться к истории межгруппового взаимодействия. «Нарративная идентичность должна отвечать процедурам классификации, упорядочивания, распределения, которые вписывают её в окружение и согласовывают с необходимыми внешними факторами «другой», «отличный», «чужой» [1, с. 65].

По мысли А. В. Шпилова, межгрупповая вражда может принимать две основные формы. Первая форма это классическое противопоставление «своего» и «чужого». Она имела место в архаических обществах, где любой, тем или иным образом, находящийся за пределами локальности, воспринимался враждебно. Такое же положение сохранялось в античности, где к гражданам полиса, метекам и иноземцам было совершенно различное отношение. Если за убийство сограждан могли судить строго, то убийство жителя соседнего полиса порой, наоборот, поощрялось. Границы полисов всегда были очень чёткими и многие иностранцы просто не имели права на собственность внутри полиса. «Еще более сложным был феномен границы в Риме. Городская территория отделялась от всего остального мира «чужого» священной границей – померием: при закладке города черту померия метили бороздой, вспахивание которой сопровождалось соответствующими обрядами; на месте будущих ворот плуг поднимали – здесь был контрольно-пропускной пункт, через который «свои» выходили в мир «чужого», а «чужие» попадали в мир «своего» [8, с. 221].

С приходом к власти царей и императоров, по факту формирования аристократической или олигархической прослойки, градус вражды несколько смещался. В это время появлялись города и другие крупные поселения, где уже не было чёткой дифференциации на граждан и неграждан. Все люди, проживающие на определённой территории под властью того или иного правителя, становились в первую очередь подданными, а не гражданами. Такое стирание границы приводило к нивелированию гражданской общины как таковой. Все решения отныне принимались руководством сверху. Это означало, что непосредственное политическое влияние этих людей было минимальным, как правило, оно заключалось в уплате налогов в государственную казну. Выборы, если они и имели место, осуществлялись, либо формально, либо непосредственно лордами той или иной провинции.

Формирование дворянства позволило на долгие века сместить градус вражды между «своими» и «чужими» в сторону деления на «высших» и «низших». Королевские дома Европы были космополитичны. Раздел территорий производился по факту удачного выхода к морю, удобных пастбищ и т. п., никак не затрагивая язык и родовую принадлежность

Враждебность как фактор формирования идентичности

населения этих территорий. Средневековый человек, как правило, не мыслил себя гражданином какого-то конкретного государства. Исключения могли составлять разве что итальянские города-государства Эпохи Возрождения, и то – стратификация общества значила в них больше, чем внешняя вражда. Важным фактором оказалось христианство, обещающее райские наслаждения каждому праведнику после смерти, если он добросовестно трудился при жизни, вне зависимости от того, сколько реальных мирских благ он успел накопить. Такое положение вещей позволяло немного снизить градус вражды низшей прослойки к аристократии.

После начала формирования идеи нации как конструкта, объединяющего граждан, проживающих на замкнутой территории, исподволь начали вызревать конфликты. Осознание собственной национальной принадлежности, а также недовольство, связанное с большим финансовым разрывом между самыми бедными и самыми богатыми членами общества, приводило к революционным движениям. Такое отождествление было связано с фундаментальными психологическими моментами, согласно которым: «отождествленное с *Мы Я* оппонирует *Они*, и степень идентификации с ингруппой тем выше, чем более значимы отличия от аутгруппы, чем сильнее выражена оппозиция *Нас – Им*; соответственно, чем сильнее отталкивание от чужой группы, тем более гомогенной становится своя, и это отталкивание может реализовываться не только как когнитивное различие, но и как выносимое в сферу межгрупповых отношений агрессивное поведение, и как организованная целенаправленная деятельность по нанесению «врагу» того или иного ущерба» [8, с. 158].

Конечно, не стоит полагать, что идея нации и недовольство третьего сословия своим положением в городском сообществе были единственными факторами и критериями революционных движений. Не стоит упускать из виду политические перипетии, формирование нового типа производства (и как результат – упразднение цехов), рост городов и общую перенаселённость, которую некоторое время удавалось сдерживать путём эпидемий, локальных войн и активного освоения Нового Света. Кроме этого, неплохо способствовал индивидуализации людей протестантизм с его этикой труда и накопления личного капитала, с неизменным достижением личного успеха.

Сейчас идея национального государства начинает постепенно изживать себя, хотя это довольно длительный процесс. «В условиях современности можно поддержать тезис об искусственном создании коллективной идентичности (и национальной в том числе), её «конструирование» и «переформатирование» в зависимости от потребностей сегодняшнего дня» [1, с. 168]. Однако существует несколько факторов, намекающих на возможный упадок национализма в будущем. Во-первых, существуют США, где все этнические различия практически нивелируются в идентичности граждан как «американцев». Несмотря на кажущуюся

ксенофобию, агрессия к иным социальным группам связана уже скорее не с их конкретной национальностью, а с тем, что некоторые этносоциальные группы на данном этапе требуют для себя уже не равных прав, а определённых привилегий. Квоты, предлагаемые для различных меньшинств, как бы формируют из них новые сословия. В то же время, существует подспудная зависть и неприязнь эмигрантов к более-менее коренным жителям, так как фактор гражданства обеспечивает вторым куда лучшие условия существования. А вот объединённая Европа благодаря Шенгенским визам и упрощённому доступу позволяет людям почувствовать себя космополитами в миниатюре, и проживать на территории того государства, которое придётся им по вкусу.

Пока что сложно судить, был ли прав в своё время Н. А. Бердяев, рассуждая о «новом средневековье», однако некоторые его характерные черты можно увидеть уже сейчас. Изрядное количество национальных государств пока ещё пытается поддерживать в гражданах идею нации и национального достоинства. Однако за ширмой политтехнологий можно нередко увидеть делёж обычный власти между «новыми дворянами» – богатейшей прослойкой в чуть менее развитых странах и корпоративной интеллектуальной элитой в наиболее развитых странах. «Этнокультурная интерпретация дихотомии «мы – они» в варианте оппозиции «свои – чужие», как известно, в значительной степени создается, конструируется усилиями интеллектуалов; соответственно, являющиеся результатом этих усилий идеологические построения часто создают впечатление некой искусственности и натянутости, побуждают воспринимать их как продукт полусознательного политического мифологизирования» [8, с. 320]. Немаловажен также фактор языка. Житель национального государства, как правило, знает 1-2 локальных языка и не видит для себя нужды знать больше, главное для него – сберечь «своё». Горожанин космополитического типа, как правило, неплохо владеет несколькими языками – так было и в эпоху средневековья и так есть сейчас.

Основных проблем, связанных с неопределённостью полярной направленности вражды две. Во-первых, переходная стадия от национализма к транснационализму и мультикультурализму позволяет элитам легко манипулировать большей частью населения. Бедные низы, считающие, что проживают в национальном государстве, осуществляют вражду к иноземцам и иноверцам, считая, что именно они попирают традиции и устои, в то время, как настоящий градус противопоставления лежит в странах, а не в этносах. Конечно, не стоит обобщать, однако можно легко заметить, что более интеллектуальная прослойка жителей в городах, как правило, толерантна и терпима, в то время, как менее интеллектуальные индивиды, группированные тем или иным образом чаще всего подвержены ксенофобии. Такое положение вещей связано в первую очередь с тем, что для того, чтобы толерантность стала нормой жизни, её необходимо принять не только как элемент правового давления со стороны государства, но и как собственный внутренний правовой долг. На такой шаг способен далеко не

Враждебность как фактор формирования идентичности

каждый, необходим определённый уровень культуры и устойчивое мировоззрение. Без этого толерантность будет лишь формальной терпимостью, соблюдаемой лишь из-за страха государственной репрессии и подавляемой внутренней нетерпимостью индивида. Во-вторых, демократическое государственное устройство подразумевает атомизированность индивида. Переход к корпоративному типу правления предполагает некие блага для небольших групп, в то время как индивид, считающий, что его интересы должны поддерживаться в первую очередь, остаётся за кадром.

Именно так отдельный индивид становится Чужаком, Другим для локальных групп. Вражда служит фактором отмежевания отдельных индивидов и формирования закрытых групп со стойкой неприязнью ко всем, кто находится за их пределами. Индивид в ингруппе может бояться, что чужак тем или иным образом попадёт в неё и нарушит существующие устои. Можно сказать, что «проблема идентичности предстаёт не как проблема исключения из окружения, а как проблема невозможности противостояния сливанию с ним» [1, с. 163]. Даже для того, кого чурается больших групп людей, важно чувствовать свою причастность к той или иной группе. Поэтому существуют Другие как в ингруппах, так и в аутгруппах. От их месторасположения зависит степень и специфика враждебности. Как ни странно, в первую очередь вражда является критерием идентичности для *Мы*, а не для *Я*. Она предполагает формирование некоего позитивного образа нас в противоположность приписыванию всех возможных негативных черт враждебному «Они». Подобное приписывание на уровне *Я* артикулировано в меньшей степени, так как конфликтогенность индивида гораздо ниже конфликтогенности группы. Если индивид противопоставляет себя миру или же какой-то отдельной группе, на фактор вражды нередко накладываются фактор эгоизма и нарциссичности такого индивида, что не позволяет делать каких-либо однозначных выводов.

Однако главный парадокс состоит в том, что практически вся интеллектуальная элита состоит из атомизированных индивидов. Конечно, ими поддерживается определённая корпоративная этика, кроме этого, и принцип Гилеля, и моральные императивы Канта не являются для них пустым звуком. Однако недоверие к таким индивидам велико со стороны локальных групп, находящихся на уровне городских низов, так как одинокий Чужак, особенно, стоящий чуть выше в иерархии, как правило, вызывает куда больше настороженности, чем аутгруппа. Современное общество пытается, с одной стороны, формировать группы и отстаивать групповые интересы, а с другой – всё более индивидуализировать людей. «Большинство существующих социальных групп в современном обществе – это суррогатные группы, не исполняющие реальных функций в его жизни. Современные общества функционируют при помощи абстрактных отношений обмена и кооперации; в таком социуме развивается индивидуализм, отношения людей друг с другом перестают определяться рождением. Это дает личности новые возможности, но и предъявляет к ней

Рыжкова Д. С., 2014

новые требования, заставляет пребывать в постоянном напряжении, вызываемом рациональным контролем эмоциональных потребностей и ответственностью за свои поступки» [8, с. 70].

В таких условиях сложно сформировать чёткую и стойкую идентичность. Она текуча, подвижна и с трудом может быть зафиксирована какими-либо исследованиями или опросами. Недовольство элитами часто вызывается тем, что предельная информатизация общества сделала возможным для элит интеллектуальный труд, часто не требующий даже поездок в офис. Ручной труд беднейшей части населения кажется ей гораздо более трудным, непосильным и низкооплачиваемым в сравнении с творческими исканиями людей в сфере knowledge-working. «Верх» и «низ» постиндустриального общества радикально различны степенью индивидуализированности, мотивацией, ценностями, потенциалом. Отчуждение между стратами, вопреки прогнозам видных теоретиков, таких как Э. Гидденс, не снижается, а растёт из-за несопоставимости оплаты интеллектуального и ручного труда.

В пространстве реальных городов в максимально упрощённом виде это выглядит следующим образом. Степень отчуждения по этническим или гендерным признакам заметно снижается. Изменяются сами критерии идентификации, уходя от столь очевидных точек отсчёта, как пол или этнос. Эмигрант или человек нетрадиционной ориентации в «соседстве», населённом коренными добропорядочными жителями, должен выглядеть скорее вариантом диковинки, он не должен вызывать чувства неприязни, страха или опасности. В то время как богач, заходящий на территорию гетто или в район трущоб, должен, несомненно, стать объектом ненависти и вражды, вне зависимости от его этнической принадлежности и других подобных факторов. По крайней мере, именно такой стиль взаимоотношений активно пропагандируется СМИ, в том числе, в различных массовых фильмах и сериалах.

Таким образом, можно сделать *вывод*, что, в то время, как групповая идентичность формируется равномерно, идентичность индивидов, находящихся по большей части вне групп, размыта и нестабильна. Также можно заметить, что сплочённость группы против отдельного индивида носит куда более враждебный и яростный характер, чем взаимоотношения по типу Я-Ты. Это во многом связано с так называемым «эффектом толпы», когда внутри активно действующей общности отдельные индивиды нередко пренебрегают критическим мышлением. А если вражда – межгрупповая, то, как правило, её критерием выступают не сами индивиды, а некий символ, который собственно и делает врагов врагами. Как минимум, гражданская составляющая групповой идентичности часто остаётся не более чем продуктом политических манипуляций. Для того, чтобы выработать собственную позицию, нужно как минимум ознакомиться со всеми возможными вариантами политик и идеологий и отнестись к ним критически. Большинству граждан проще примкнуть к той или иной стороне, не вдаваясь в тонкости. И, наконец, во многом, вражда и все виды

Враждебность как фактор формирования идентичности

ксенофобии обуславливаются уже не, столько, природной потребностью человека во враге, сколько, идеологической работой политтехнологов, которые нередко контролируют полярность вражды, направляя её либо на внешнего врага, либо на идеологических противников внутри государства.

Список использованной литературы

1. Артеменко А. П. Топология Я в сетевых структурах социума: [монография]/ А. П. Артеменко – Харьков – 2013 г. – 325 с.
2. Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы/ Н. А. Бердяев// Собрание сочинений – М., 1991 – с. 408-437
3. Вальденфельс Б. Топография Чужого. Студии до феноменологии Чужого / Бернгард Вальденфельс – Київ: ППС-2002, 2004 – 206 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»)
4. Гидденс Э. Последствия модернити (отрывки)/ Энтони Гидденс// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ под редакцией В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – с. 101-122.
5. Рикёр. П. Я сам как Другой/ Поль Рикёр; [пер. с франц.]. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 – 416 с. – (Французская философия XX века)
6. Рягузова Е. В. Социально-психологический анализ ингруппового и аутгруппового Другого/ Е. В. Рягузова// European social science journal (Европейский журнал социальных наук) – Москва-Рига – № 2 – 2011 г. – с. 194-201.
7. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности/ Витторио Хёсле// Вопросы философии – Выпуск №10 – 1994 г. – с. 112-123
8. Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие: [монография]/ А. В. Шипилов – М.: «Прогресс Традиция», 2008. – 568 с.

REFERENCES

1. Artyomenko A. P./ Topology of "I" in the network structures of society [monograph]/ A. P. Artyomenko - Kharkiv - 2013 – 325 p.
2. Berdyaev N. A. New Middle Ages. Thinking about the destiny of Russia and Europe/ N. A. Berdyaev // Collected Works - M., 1991 - p. 408-437 p.
3. Waldenfels B. Topography of the Alien . Studies to the phenomenology of the Alien/ Bernhard Waldenfels - Kiev: PPS- 2002, 2004 - 206 p. - ("Modern Humanities Library")
4. Giddens, A. The consequences of modernity (excerpts)/ Anthony Giddens// New wave of post-industrial West. Anthology/ edited by V. L. Inozemtsev. - Moscow: Academia, 1999 - p. 101-122 .
5. Ricoeur. P. I myself as the Other/ Paul Ricoeur; [Trans. from French.]. - M.: Publishing humanities, 2008 - 416 p. - (French philosophy of the twentieth century)
6. Ryaguzova E. V. Socio-psychological analysis of in-group and out-group Other/ E.V. Ryaguzova// European Journal of Social Sciences - Moscow-Riga - № 2 - 2011 - p. 194-201 .
7. HöslеV. Crisis of the individual and collective identity / Vittorio Höslе// Problems of Philosophy - Issue number 10 - 1994 - p. 112-123
8. Shipilov A. V. "Ours", "aliens" and others [monograph]/ A. V. Shipilov - M.: "Progress Tradition", 2008. - 568 p.

РЫЖКОВА Д. С. (аспирант кафедры теоретической и практической философии)
Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина, Харьков, Украина
careucita-roja@mail.ru

ВРАЖДЕБНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье анализируется феномен враждебности как в исторических формах общества, так и на примере современности, в первую очередь, современного города. Выделяются критерии враждебности в ранних условиях. В частности, проводится сравнение между этническими и сословными враждебностями. Сделан вывод о специфике взаимодействия людей на уровне Я-Ты, межгрупповых отношений, отношения группы к атомизированному индивиду. Осуществлена попытка исследования определенной роли враждебности в формировании человеческой идентичности.

Ключевые слова: враждебность, идентичность, другой, чужой, гражданин, подданный

D. RYZHKOVA

V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine

HOSTILITY AS THE FACTOR OF THE FORMATION OF IDENTITY

In the article the phenomenon of hostility as in historical forms of society, and by the example of modernity, primarily of the modern city, is analyzed. It is provided certain criteria under which it is examined the phenomenon of identity. Dough is basically the concept of P. Ricoeur. The criteria of hostility under different conditions have been disclosed. In particular, a comparison between ethnic and social class hostility has been conducted. Phenomenon of hostility is considered as in its historical forms, and as well in the current situation. The analysis of the so-called horizontal and vertical hostility is carried in this article. The conception of A. V. Shipilov is based on the postulate, that there are only two versions of hostility – horizontal (ethnic or intergroup) and vertical (as the deferens between the poorest and the richest segments of society). The author of this article deepen the conception, focused the attention on the situation in the modern cities. It is analyzed the distrust of the close groups to the singletons. Confrontation between a group and the Other, the Alien, both within the group and outside of it, also comes to the fore. There are two major problems associated with the uncertainty of polar orientated hostility. At first, a transitional stage from nationalism to transnationalism and multiculturalism allows elites to manipulate most of the population easily. Poor lower classes who believe that they live in a nation state, carry out their hostility to foreigners and people of other faiths, believing that they violate traditions and customs, while, the real degree of opposition lies in the strata. Of course, it should not be generalized, but more intellectual stratum of residents in cities, as a rule, are tolerant, while the less individuals, grouped in some way most susceptible are not tolerant. This situation is primarily due to the fact that in order to become the norm tolerance, it must be taken not only as an element of legal pressure from the government, but also as individuals internal legal duty. Without this tolerance became a formal one and can be described only as a fear of state repression. At second, democratic polity implies atomization of the individual. The transition to a corporative type of control involves some benefit for small groups, while the individual who believes that his interests should be supported primarily locates behind the scenes. It is concluded about the specificity of human interaction at the ‘me-you’ level, at the intergroup level, and the group attitude to atomized individuals. Group identity is formed uniformly, identity of individuals who are mostly out of the groups is blurred and unstable. Hostility as a whole is negative phenomenon, but we should not underestimate its potential in shaping the identity of individuals and large groups. Also an attempt to prescribe hostility a certain role in formation of the human identity was made.

Keywords: hostility, identity, another, alien, citizen, partials.

Стаття надійшла до редколегії 15..04.14

Прийнята до друку 20. 04.14